

УДК 392(=571.122)

МАНСИ СЕВЕРНОГО УРАЛА: ХОЗЯЙСТВО, МИРОВОЗЗРЕНИЕ, СВЯЗИ С ДРУГИМИ НАРОДАМИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Г. Н. Чагин

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
g-chagin@yandex.ru

Рассматриваются традиции в материальной и духовной культуре одной из дисперсных групп манси. Особое внимание уделено взаимным контактам манси с русскими, ненцами, коми-ижемцами и последствиям этих контактов. Статья основана на архивных источниках и записках наблюдателей.

Ключевые слова: манси, русские, товарообмен, верования, боги, духи, обряды, праздники.

В наше время манси живут в низовьях Оби, на ее притоках, в автономном Ханты-Мансийском округе¹. Для их расселения характерна большая дисперсность. Сохраняется группа манси по р. Лозьве и ее притоку Сосьве в Ивдельском районе Свердловской области (около 170 чел.)².

В прошлом мансийские поселения существовали в Приуралье по рекам Унья, Вишера, Березовая, Яйва, Косьва, Чусовая. Пространство от верхней Печоры до Сосьвы (правый приток Лозьвы) также издавна принадлежало манси. В верховьях Печоры и по притоку Унья в середине XIX в. селились русские, которые постепенно вытесняли манси, поскольку на родине (верховья Колвы) им не хватало лугов, рыбы, дичи, зверя [На путях..., 1989, с. 21]. Манси постепенно переселялись в верховья р. Унья, частично к вершинам Уральского хребта и притокам р. Сосьвы³.

По воспоминаниям старожилов д. Усть-Унья, относящимся к 1920-м гг., недалеко от устья р. Унья русские застали чумы манси и «взяли себе в жены вогулок». Потомки таких браков, с которыми встречалась геолог В. А. Варсанюфьева, отличались «небольшим ростом, несколько косым разрезом глаз и коротким, часто вздернутым носом» [Варсанюфьева, 1929а, с. 78].

Предлагаемая статья содержит материал о манси, проживавших в верховьях Печоры, у вершин Уральского хребта, по притокам Сосьвы (бассейн Лозьвы). Здесь они вели кочевой и полупоселенческий образ жизни еще в начале 1930-х гг. [Михалевич, 2009, с. 87–115]. Мы будем называть их уньинскими и сосьвинскими манси. По общепринятой классификации они относятся к северной этнографической группе [Федорова, 1999, с. 260]. В их этнографическом облике много общих черт с лозьвинскими манси. Впервые регион проживания манси, который нас интересует, был обозначен в литературе в 1790-е гг. [Краткое известие..., 1792, с. 58–88].

Пути сообщения и способы ведения хозяйства манси определили природные условия. Сосьвинские манси выходили на р. Кысунью (Кыс-Унью), а затем сплавливались по Унье до р. Печоры. Кроме того, на Кысунью вела так называемая вогульская дорога через Вишерский и Лопьинский камни. В старое время от вершин Уральского хребта манси выходили на Ёлму – приток Печоры, спускались по Ёлме и затем по Печоре, а тем, кому нужно было попасть на р. Унью, передвигались по волоку и оказывались у расхох Уньи. С восточной стороны на одну из расхох Уньи вела Васькина дорога. Дорога и Васькин камень возле нее получили название по имени манси Васьки Большого, с которым русские вели меновую торговлю. Этими же таежными путями пользовались русские уньинских деревень и сосьвинские манси, когда посещали друг друга по торговым делам и в праздники.

В летнее время манси сплавливались по рекам в долбленых лодках с распорками и бортами, прикрепленными кедровыми корнями. Зимой по Уралу они передвигались на лыжах и нартах. Традиционной для манси была езда летом и зимой на оленьих нартах – легких (ездовых) и тяжелых (грузовых). На грузовых нартах устраивали кузова-короба. На оленях ездили и верхом.

Зиму манси проводили в верховьях Сосьвы. Здесь преобладали стойбища с дощатыми, бревенчатыми избушками и каркасно-столбовыми землянками⁴. В более отдаленное время жили в полужемлянках с пирамидальным каркасом, в которые попадали через отверстие в крыше⁵.

На зимних стоянках женщины с детьми жили постоянно. Мужчины пасли оленей и охотились. Обычно олени в течение зимы съедали весь ягельный мох и манси стремились как можно быстрее перебраться на новые, уньинские, пастбища.

К вершинам Урала, в верховья Уньи, манси приходили со стадами оленей ранней весной, когда снег еще не начинал таять, и оставались здесь до поздней осени. Обычно ориентировались весной по Пасхе и осенью по Покрову дню. Если стояла теплая осень и мха еще было в достатке, то пребывание оленеводов задерживалось. Но осенью можно было испытать и непогоду, когда с вершин гор дули сильные ветры и кругом все окутывалось туманом. Если бы не слишком холодные зимние ветры, то со стадами оленей можно было зимовать и в верховьях Уньи. Но подобных случаев почти никогда не отмечалось.

Во время кочевек удобным жилищем являлся конический чум. Его остов представлял собой жердяной каркас, скрепленный сверху ремнями. Чум покрывался «вареной берестой» – полотнищами размером 3 на 5 метров, сшитыми и прошитыми оленьими сухожилиями. Пропаренная береста являлась надежной защитой от дождя и ветра. По мере необходимости чум разбирали и перевозили на новое место.

Вершины Уральских гор, таежные охотничьи и рыболовные угодья были издавна поделены между манси. Каждый манси-оленичник имел свои горы, стоянки, которые переходили от отца к сыну, из рода в род. Без разрешения «коренных хозяев гор» вновь пришедший манси не мог поставить свой чум. Но эта норма в конце 1920-х гг. стала нарушаться. Не считаясь с мнением «исконных владельцев», захватывали участки для пастбы оленей и устройства чумов [Варсанюфьева, 1929б, с. 97].

Общение манси с русским населением уньинских, печорских и колвинских деревень основывалось на материальных и духовных потребностях. Осенью, в начале октября, манси устраивали большой праздник с жертвоприношениями своим богам и духам и отправлением культа коня, который, как считают этнографы, у них зародился еще тогда, когда их далекие предки жили в степной зоне Казахстана. Конь для обряда был необходим, а в своем хозяйстве он не имелся. В этом случае приходилось обменивать лошадей на продукты оленеводства, в которых нуждалось русское население. В обмен шли олени шкуры, меховые совики, шапки, пимы, мясо, жир и др.

В середине июля манси отправлялись в русскую деревню и договаривались с крестьянами о приобретении лошадей, причем такой масти, «которую им наворожил шайтан». Если в деревне такой лошади не оказывалось, то манси ехали в другие деревни, и так до тех пор, пока не находили «предопределенного им коня». С хозяином лошади заключали договор: хорошо ее кормить, оберегать, окуривать от комаров и «сделать ее к осени очень жирной». То есть лошадь получали в долг, за которым уньинские и колвинские крестьяне ездили в стойбища манси. Обычно отправлялись в начале сентября, накануне завершения летнего кочевого периода и угона оленей на зимовку в верховья Сосьвы. Крестьяне приводили лошадей и привозили для обмена сахар, табак, водку, сукно, шерсть, чулки, украшения для одежды. Тогда же получали обещанные продукты оленеводства.

Нам рассказывали многие жители верховьев Печоры, Уньи и Колвы, что в прежние годы манси приходили в русские деревни и покупали лошадей «не для работы, а для своих древних богов». «Конские жертвы» манси устраивали еще в 1940-е гг. [Чагин, 2002, с. 119].

По сведению очевидцев, уньинские и сосьвинские манси в первой трети XX в. сохраняли традиционную одежду, многие семейные обычаи, языческие верования. Остановимся на некоторых традициях.

Мужчины носили рубахи из пестрого ситца туникообразного покроя, штаны из холста. Поверх надевали суконный или меховой *совик* с капюшоном глухого типа. Иногда его называли *малицей*. Совик, сшитый мехом наружу, назывался *гусь*. Носили гусь и совики с поясом. При этом делали напуск для хранения предметов, необходимых в дороге. На поясе висели нож в ножнах, мешочек с точильным бруском, клыки медведя, бронзовые бляхи.

Нательной женской одеждой были широкие, свободные платья из пестрого ситца или сатина и штаны. Предпочтение отдавали тканям с крупными, яркими узорами. Праздничные платья украшали бисером у ворота и на рукавах. В прохладную погоду поверх платья надевали суконные халаты. Для их приготовления использовали сукно красного, желтого, зеленого, синего цвета. Украшали халаты аппликацией из узких полос и тесьмы другого цвета.

Зимой женщины надевали *сахей* – красивую оленью шубу с низким мехом наружу. Шубы шили двух видов: из шкур темной окраски с изящным тонким узором из белого меха, причем мотивами узоров являлись стилизованные изображения оленьих рогов, березовых сучьев и так называемых заячьих ушек, и из белых или серых шкур, украшенных тонкими вышитыми полосками цветного сукна, с подолом, обшитым темным мехом. В отделке женской шубы *сахей* отразились новые веяния, проникавшие в традиционную культуру манси. В старину воротник обшивался песцовым мехом, а теперь – белой собачиной. В прежнее время *сахей* имел подкладку из шкур молодого оленя и даже из шкурок гагар, теперь же из покупной материи. Орнаментальные мотивы аппликаций в виде оленьих рогов, березовых сучьев, заячьих ушей были заимствованы у ненцев. Собственными же мотивами были стилизованные фигурки тетеревов, следы медведя, куропатки, соболя, куницы и даже мордочка белки. Кстати, эти же мотивы использовались при изготовлении берестяной посуды, которая предназначалась для погребального обряда, когда манси хоронили своих умерших в отсутствие православного духовенства.

Через коми-зырян и коми-ижемцев у манси получила распространение готовая женская одежда ненцев, типичная для тундровых оленеводов. Например, *сахей* – шуба, которая отличалась чередованием полос темного и белого оленьего меха и обшивкой подола из пышных шкур собак, убитых зимой.

Женщины и мужчины заплетали волосы в две косы. В косы вплетались пестрые шерстяные пояски, которые покупали у русских. Женщины на затылке между косами закрепляли пряжку, которую украшали бисером и медными форменными пуговицами в центре. К праздничным дням косы удлиняли шнурками, к которым пришивали блестящие металлические предметы: бубенчики, кольца, пуговицы, цепочки, кресты. При этом косы «сковывали» – соединяли между собой двумя или тремя тяжелыми цепями. Вес такого головного наряда достигал 4–5 кг. Женщины надевали ожерелья из цветных бус. На пальцах носили серебряные кольца.

Голову покрывали свободно накинутыми покупными платками, на концы которых пришивали медные колокольчики. По праздникам женщины носили платки шелковые и кашемировые, мужчины – капюшоны и шапки.

Обувь использовали древнейшего вида – *поршневидного*, когда подошва загибалась в виде *поршня* (из шкуры), с высоким голенищем из кожи *ровдуги* – оленьей замши. Носили обувь без голенища: *няры* – мужчины, *нярки* – женщины. Она шилась из лосиной, лошадиной, оленьей кожи мехом наружу. Надевали ее с суконными чулками. Зимой носили меховые узорчатые пимы, изготовленные из оленьего *камуса* – шкуры, снятой с ног оленя. Нередко их украшали бисерным шитьем и аппликативными узорами. Обувь, как и многие элементы одежды, была типичной и для других групп манси [Соколова, 2007, с. 48–55].

У манси существовало особое понимание ценности женщины: она была необходима оленеводу для правильного ведения традиционного хозяйства. Женщина не только готовила пищу, чинила и стирала одежду, ухаживала за жилищем и детьми, но и выделявала шкуры, шила совики, *сахей*, пимы, вялила и коптила мясо и рыбу как для еды, так и для продажи.

При такой роли женщины в семье и хозяйстве отношение к ней оставалось грубым. Во-первых, мансийская женщина считалась «существом нечистым», и ей запрещалось прикасаться ко многим предметам и даже переступать через них. Женская одежда не должна была развешиваться в чуме, и вещи, принадлежавшие женщине, не приносились в передний угол. Если же случалось, что женщина прикасалась к указанным предметам, то приходилось их освящать. Для этого раскаляли докрасна старый топор, поливали его водой и в парах держали оскверненный предмет. Во-вторых, мансийская женщина не должна была смотреть в лицо старшим родственникам своего мужа – свекру, братьям мужа, а также мужчинам из числа дальних родственников. Поэтому женщине приходилось очень часто закрывать лицо платком и смотреть только через небольшое отверстие. Перед младшими родственниками мужа женщина лицо не закрывала. Не скрывали лицо и молодые девушки.

Очевидцы отмечали, что мансийские невесты стоили «дорого», за них платили выкуп – *назым* – до тысячи рублей и более. Выкуп вносился оленями, соболями, покупными красивыми материями. В. А. Варсановьева пишет, что в 1927 г., во время ее пребывания у уньинских манси, отец «просватал дочь за 30 оленей и 10 соболиных шкур» [Варсановьева, 1929б, с. 99]. Когда «девушку крали», она обходилась жениху «дешевле». В таком случае мать вводила дочь домой. Жених

приходил за ней снова и «уже получал ее за полцены». Свадьбы справлялись по-мансийскому обычаю, но сведения о них наблюдатели не оставили. Если предоставлялась возможность, молодые венчались в церкви.

Как только девушка становилась женой, муж закрывал ее лицо платком. Платок служил знаком замужней женщины. Обряды с платком, связанные с понятием о «нечистоте» женщины, сохранялись очень долго.

Уньинские и сосвинские манси были крещеными, имели имена из православных святцев. Детей крестили добровольно. В чумах висели иконы. Но «русские боги» не стали им близкими, потому что они «не говорили по-вогульски». Тем не менее, когда манси оказывались у церкви, непременно заходили в нее и только ставили свечки. При этом заявляли: «Ваш Бог добрый. Ему шибко молиться не надо. Он сам знает, что мне нужно и зла мне не сделает. Надо только свечку поставить» [Варсанофьева, 1929б, с. 99].

Но в большей степени манси признавали свою древнюю, языческую веру, о которой в записках наблюдателей обрядов имеются очень важные сведения. При этом манси не стремились рассказывать чужим людям о своих богах и духах, тем более показывать свои священные места.

Священные места, где почитались боги и духи, подразделялись на мужские и женские. Чтобы хорошо жить, на мужских местах приносилась кровавая жертва, на женских – специально приготовленная каша. Деревья украшались ленточками, в которые завязывались монеты.

В лесах и горах, под скалами манси хранили деревянные изображения своих богов и духов – идолов-*болванов*. Иногда в одном ряду стояло до десяти таких фигур. Их вырезали из цельных кусков дерева до метра высотой. Верхнему концу придавали форму удлинённой головы, заостренную кверху, на лицевой стороне кружочками изображали глаза и рот, нос обозначался рельефным выступом. Заостренная форма головы идолов напоминала конические головные уборы «чудских образков» и суконные шапки шаманов.

Манси осознавали, что деревянные идолы помогают людям в пределах их «ведения и влияния». Им приносили жертвы, с тем чтобы кочевка с оленями стадами прошла благополучно, а охота и рыбный промысел были удачными. Старики наказывали молодым идолов посторонним людям не показывать, иначе они перестанут помогать и даже могут вредить манси. Об этом не забывают и следуют заповеди предков современные манси.

Самым значительным праздником был Ильин день (20 июля по старому стилю), который совпадал с тем временем, когда заканчивалась линька оленей, исчезали кровососущие насекомые и можно было запрягать и колоть оленей. К важным относились осенний праздник в начале октября с жертвоприношением богам и духам коней и медвежий праздник, когда убивали медведя. После обрядовых действий в течение нескольких дней продолжались увеселения – танцы, игра на струнном инструменте *сангольпт*, пение песен, питье водки.

В. А. Варсанофьевой в 1927 г. пришлось наблюдать танцы в чуме, впечатление о которых она передала: «Как-то вечером, под завывание вьюги разговорились мы о музыке и танцах. Слепой отец Алексея (Алексей Пакин был у нее переводчиком. – Г. Ч.) взял сангольпт и начал наигрывать несложный плясовой мотив, а две маленькие внучки его покрылись платками и начали пляску. Она заключалась в ритмических движениях верхней половины тела с поворотами в правую и левую сторону, сопровождаемыми движениями рук. При этом пляшущая женщина не сходит с места и вся закрыта платком, концы которого она держит в руках. К углам платка бывают пришиты металлические цепочки с колечками, которые издают, ударяясь друг о друга, мелодичный звон.

Своеобразное зрелище представили две миниатюрные фигурки маленьких вогулок, таинственно прикрытые звенящими платками и совершавшие свои ритмические движения в полумраке дымного чума, особенно когда к ним присоединилась третья, маленькая дочь Алексея, двухлетняя Марья, забавно подражавшая старшим сестрам. Их пример увлек и взрослых. Даже старая бабушка не выдержала и, надо отдать ей справедливость, плясала лучше всех. “Я мастер”, – говорила она сама про себя. Алексей и его приятель Григорий надели длинные, яркие рубахи, обмотали голову пестрыми шарфами и тоже вышли плясать.

Пляска мужчин гораздо живее пляски женщин. Они импровизируют во время танца, изображая своими движениями борьбу, охоту, нападение и т.п. При этом руки их обмотаны платками с длинными, свободно развевающимися концами. Пляска Алексея и его приятеля в чаду гаснущего очага под звуки сангольпта и завывание вьюги представляла собою совершенно фантастическое

зрелище» [Варсанофьева, 1929б, с. 101].

В описании танцев очень ценным является указание на то, что они происходили в «страшную непогоду с дождем, снегом, ураганным ветром и густыми облаками, окутавшими все вершины». Непогода не позволяла заниматься работой и отправиться к оленям, чтобы их собрать в стадо. И слепой манси знал, что обрядовыми танцами и музыкой можно изменить погоду. Он стал играть, чтобы умиловать разбушевавшихся духов-хозяев гор. Семейная пляска в чуме была затеяна на основе веры в магию звука и жеста, которая осознавалась очень действенной силой.

Помимо общих богов и духов манси почитали семейных и личных покровителей – *пулу*. Их изображения в виде куска дерева, обмотанного материей и мехом, хранились в особом ящичке. Он находился в переднем углу чума, а когда отправлялись кочевать со стадом оленей, его устанавливали на особых нартах и возили с собой. В праздничные и даже в обычные дни ящичек открывался для моления. Перед ним ставилась бутылка водки, выкладывалось угощение, чаще белые баранки, и совершалось моление богам и духам, населяющим горы, леса, реки. После этого спокойно пили и ели угощение.

В. А. Варсанофьевой привелось повидать такой ящичек, когда к хозяину одного чума приехал родственник. Она пишет: «В большом ящике сидели три тряпичные куклы, одна обмотанная темной материей, две – пестрыми. В отдельном ящике находилась фигура, закутанная в белые тряпки. Хозяин сказал мне, что это “Святой Николай”, а пестрые фигуры в большом ящике – Иисус Христос и божья мать. На мой вопрос, что представляет собою темная кукла, он уклончиво ответил, что это “большой начальник”» [Варсанофьева, 1929б, с. 100].

К сожалению, В. А. Варсанофьева за объяснением назначения фигурок в ящике обратилась не к знатокам манси, а к «полувогулу-полуненцу», который больше знал о христианских святых, а не о языческих богах и духах. В ящичках-шкатулках несомненно хранились фигурки, заместители местных, близких человеку и его семье, «родных божков и боженят». Жаль, что была упущена возможность узнать, кого конкретно изображали эти фигурки.

Тем не менее в описании фигурок мы находим важное указание. Фигурки заворачивались в разные по цвету тряпки. Особенно интересно упоминание белого цвета, который символизировал мир мертвых, обескровленное тело, а также небо, населенное бесплотными духами, и облака, на которых обитают эти духи [Янович, 1930, с. 105].

Все изложенное позволяет сделать вывод о том, что локальная группа манси в 1920-е гг. сохраняла многие черты традиционной культуры, быта, верований, хотя и находилась в зоне этнокультурных контактов нескольких этнических общностей. Этнолокальная сплоченность манси обеспечивалась на базе родного языка, языческих верований, традиционных способов хозяйствования в родовых угодьях. Свое замкнутое и сознательно оберегаемое пространство манси «населяли» вполне реальными «хозяевами» – богами и духами, а если возникала необходимость, то наполняли и обрядовыми действиями, которые еще не были утрачены к этому времени. Манси не отрекались от своего происхождения и своей этнической принадлежности.

При этом нельзя не заметить проникновения в этническую среду манси явлений традиционной культуры русских, ненцев, коми-ижемцев, коми-зырян. Все манси были крещенные, имели иконы, знали основных христианских богов, привыкли к ситцу, сатину, украшениям, сахей называли русским словом «шуба».

Следствием контактов манси и других народов было взаимное влияние. Так, русские, проживавшие в деревнях по Унье и Колве, заимствовали у манси приспособленную к местным условиям меховую одежду – совики, малицы, а также обувь для ходьбы на лыжах – *уледи*. Русские освоили рыболовную сеть – *сырп* и способ коллективной ловли рыбы. Переняли русские охотники и удобную форму мансийских нарт, и способы устройства наиболее надежного плота для сплава и перевоза добычи по перекатам горных рек.

У многих манси Урала в XIX – начале XX в. происходили ассимиляционные процессы, и многие уже не могли говорить на родном языке⁶. На территории от верховьев Печоры до верховьев Сосьвы еще в конце 1920-х гг. сохранялись условия для занятия традиционным оленеводством, что обеспечивало существование прежнего быта и мировоззрения. Впоследствии манси, которых мы рассматривали, сосредоточились в бассейне р. Лозьвы, где часть их проживает в настоящее время. Этнографы отмечают у них немало архаических явлений быта и знание родного языка [Федорова, 1999, с. 260–262].

Представленные в статье этнографические материалы освещают достаточно достоверно жизнь уньинских и сосьвинских манси. С одной стороны, они носят иллюстрированный характер, с другой – вносят существенный вклад в этнографию манси. Это важно еще и потому, что в литературе встречается немало поверхностных суждений о манси. В частности, очерк, предваряющий фольклорные тексты, записанные в 1880-е гг. Б. Мункачи и изданные в 1995 г. в Венгрии, поражает невежественностью и крайней тенденциозностью: манси предстают дикарями, а русские соседи – конкистадорами, истреблявшими манси, «как европейцы американских индейцев» [Vogul folklore, 1995].

Новизна представленного материала состоит также в том, что на манси брошен взгляд с запада. Они рассматриваются как жители Урала. В XX в. манси изучались в основном как жители Сибири. Статья раздвигает границы исследования манси.

Связи манси верховьев Уньи и Сосьвы с русскими и другими народами развивались по традиционной схеме вплоть до начала 1930-х гг. Они были прерваны из-за начавшейся коллективизации и в результате применения репрессивных мер к тем людям, которые имели больший, чем другие, материальный достаток. Русских уньинских и колвинских деревень, в частности, обвиняли в «систематической торговле с манси», «крупной торговле лошадьми», «перекупке товаров оленеводства»⁷. Жизнь таких русских, как и некоторых манси, закончилась в лагерях.

Примечания

¹ До начала 1930-х гг. манси в быту и официально назывались вогулами (в наше время по-старому их продолжают называть в зарубежной литературе).

² Полевые материалы автора, полученные в Ивдельском районе в 2009 г.

³ Архив Института этнологии и антропологии РАН. Фонд Пермско-Печорского отряда. Д. 7958. Л. 4 об.–5.

⁴ Архив Русского Географического общества. Р. 29. Оп. 1. Д. 36. Л. 4–4 об.

⁵ Там же. Л. 2–2 об.

⁶ Там же. Д. 71. Л. 1–1 об.

⁷ Государственный архив Пермского края. Ф. р-625. Оп. 1. Д. 16. Л. 23–45.

Библиографический список

Варсанофьева В. А. Геологический очерк бассейна р. Уньи // Северная Азия: общ.-полит. журнал. 1929а. Кн. 1.

Варсанофьева В. А. Геологический очерк бассейна р. Уньи // Северная Азия: общ.-полит. журнал. 1929б. Кн. 4.

Краткое известие о пермских чердынских вогуличах, собранное Его Высокопреподобием Свяжского монастыря архимандритом Платоном фамилии Любарских. Получено О. Т. в феврале 1788 // Российский магазин. СПб., 1792. Ч. I.

Михалевич С. И. Хозяева Уральских гор. Б.м., 2009.

На путях из земли Пермской в Сибирь: очерки этнографии североуральского крестьянства XVII–XX вв. М., 1989.

Соколова З. П. Народы Западной Сибири: этногр. альбом. М., 2007.

Федорова Е. Г. Ивдельские манси и их место в картине этноисторических процессов // Этнокультурная история Урала XVI–XX вв.: матер. междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1999.

Чагин Г. Н. Этносы и культуры на стыке Европы и Азии: избр. тр. Пермь, 2002.

Янович Д. Т. По поводу наблюдений В. А. Варсанофьевой над вогулами // Северная Азия: общ.-полит. журнал. 1930. Кн. 5–6.

Vogul folklore. Jstor Books 4. Budapest, 1995.

Дата поступления рукописи в редакцию 26.02.2012

MANSI OF THE NORTHERN URALS: HOUSEHOLD, IDEOLOGY, RELATIONS WITH OTHER PEOPLES IN THE FIRST THIRD OF THE XXth CENTURY

G. N. Chagin

Perm State University, Bukireva st., 15, Perm, Russia 614990
g-chagin@yandex.ru

Mansi inhabiting the heads of the rivers Pechora and Sosva (river basin Lozva) among the peaks of the Urals range had a nomadic lifestyle. In winter they lived in the head of the river Sosva, in summer they located in the head of the river Unya (Pechora's tributary). Mansi had divided among themselves the peaks of the Urals range, taiga forest hunting and fish territories. Every Mansi deer-hunter had his own mountain, sites which were inherited by the next generations. In winter they lived in wooden houses and framed pillared earth-houses, at the time of migration they stayed in raw-hide tents.

Mansi communicated with the Russians, Komi-Zyryan, Komi-Izhenets and Nenets peoples. The spheres of interests for communication were mainly connected with some material and spiritual needs of Mansi. For example, Mansi bought horses from the Russians for the rituals, the Russians, on the other hand, could buy products of deer hunting. The Nenets people supplied Mansi with the adornments for the clothes and head covers, patterns for the ornaments and from time to time the ready-made clothes.

For a long time there was a special attitude towards a woman. She was respected as a landlady and handy woman in skin finishing, fish and meat smoking. However, she was considered to be «an evil person», it was forbidden for her to store her personal belongings in the front corner of a raw-hide tent, touch some objects and step over them. A Mansi woman was not allowed to look into the face of the older relatives of her husband and the male relatives. That's why she had to cover her face with a scarf and to look out through a tiny hole.

A groom's parents had to pay a bribe for a bride, for example, deer, sable furs, beautiful clothing. As soon as a girl acquired the status of a wife, a husband covered her face with a scarf. The scarf symbolizes the status of a married woman.

Although Mansi were Christianized, they also recognized pagan rituals. They visited sacred places and praised Gods and Spirits. The trees were decorated with the ribbons with the coins in them. In the forests and mountains they kept the wooden images of the God and Spirits, so called *idols-woodenheads*. The rituals were accompanied with the music performed on a *sangolpt*, a string instrument. Besides the Gods and Spirits Mansi worshiped family and personal patrons. Their images in the form of a piece of wood covered with a cloth and fur were kept in a special box and taken on migrations.

On the whole, Mansi people preserved a lot of traditional features of culture, household, believes, although they were in the zone of ethnocultural contacts with several ethnical groups. The consequences of Mansi and other peoples interactions were mutual.

The article presents ethnocultural materials which are very topical being both very illustrative and contributing a lot into the Mansi ethnography.

Key words: Mansi, Russians, goods exchange, believes, gods, spirits, rituals, holidays.

References

- Chagin G. N. Etnosy i kultura na styke Evropy i Azii. Perm, 2002.
- Fedorova E. G. Ivdelskie mansi i ikh mesto v kartine etnoistoricheskikh protsessov // Etnokulturnaya istoriya Urala XVI–XX vekov. Ekaterinburg, 1999.
- Kratkoe izvestie o permskikh cherdynskikh vogulichakh, sobranoe Ego Vysokoprepodobiem Sviyazhskogo monastyrya arkhimandritom Platonom familii Lyubarskikh. Polucheno O. T. v fevrale 1788 // Rossiyskiy magazin. Saint Petersburg, 1792. P. I.
- Mikhalevich S. I. Hozyaeva Uralskikh gor. [B.m.], 2009.
- Na putyakh iz zemli Permskoy v Sibir: ocherki etnografii severnouralskogo krestyanstva XVII–XX vekov. Moscow, 1989.
- Sokolova Z. P. Narody Zapadnoy Sibiri. Moscow, 2007.
- Varsanofeva V. A. Geologicheskii ocherk basseyna r. Uni // Severnaya Aziya: obshchestvenno-politicheskiy zhurnal. 1929a. B. 1.
- Varsanofeva V. A. Geologicheskii ocherk basseyna r. Uni // Severnaya Aziya: obshchestvenno-politicheskiy zhurnal. 1929b. B. 4.
- Vogul folklore. Istor Books 4. Budapest, 1995.
- Yanovich D. T. Po povodu nablyudeniya V. A. Varsanofevoy nad vogulami // Severnaya Aziya: obshchestvenno-politicheskiy zhurnal. 1930. B. 5–6.